

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ВЕРСИЯ ОПРОСНИКА МОРАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

СЫЧЕВ О.А.

*Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина
(ФГБОУ ВО АГПУ им. В.М. Шукшина), г. Бийск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru*

ПРОТАСОВА И.Н.

*Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина
(ФГБОУ ВО АГПУ им. В.М. Шукшина), г. Бийск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: protasovain@mail.ru*

Моральная идентичность в соответствии с теоретическими представлениями играет важную роль в мотивации морального поведения. Вместе с тем эмпирические исследования моральной идентичности затрудняются нехваткой соответствующих методик. Целью работы является создание русскоязычной методики на основе опросника моральной идентичности (MIQ) Дж. Блэк и У. Рейнольдс, включающего две шкалы: морального Я и моральной целостности. Шкала моральной целостности измеряет стремление к согласованности между своими нравственными побуждениями и действиями, в то время как шкала морального Я измеряет, насколько сильна идентификация с нравственными ценностями. В ходе исследования на выборке из 322 студентов (79% женщин, средний возраст $M = 21,05$; $SD = 6,55$) была показана хорошая внутренняя согласованность шкал (коэффициенты Кронбаха составили 0,77 и 0,80). Результаты конфирматорного факторного анализа подтверждают структуру методики, образованную из двух соответствующих шкалам факторов. Результаты анализа валидности продемонстрировали, что показатели моральной идентичности прямо связаны с моральными основаниями, доброжелательностью, показателями эмпатии, а также идентифицированной, внутренней и интроецированной мотивацией нравственных поступков. Также выявлены ожидаемые обратные связи показателей моральной идентичности с отчуждением моральной ответственности, чертами «Темной триады», эгоизмом, склонностью к учебному обману и амотивацией нравственных поступков. Гендерных различий по шкалам моральной идентичности не обнаружилось, при этом выявлена слабая прямая связь всех шкал с возрастом. Таким образом, в результате исследования был разработан русскоязычный опросник моральной идентичности, который может принести пользу в дальнейших исследованиях роли идентичности в мотивации морального поведения.

Ключевые слова: моральная идентичность, опросник, социальная желательность, моральные основания, эмпатия, эгоизм, мотивация нравственных поступков.

Для цитаты: Сычев О.А., Протасова И.Н. Русскоязычная версия опросника моральной идентичности // Экспериментальная психология. 2023. Том 16. № 4. С. 204—218. DOI: <https://doi.org/10.17759/expsy.2023160414>

RUSSIAN-LANGUAGE VERSION OF THE MORAL IDENTITY QUESTIONNAIRE

OLEG A. SYCHEV

Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

IRINA N. PROTASOVA

Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: protasovain@mail.ru

Moral identity, according to theoretical concepts, plays an important role in motivating moral behaviour. At the same time, empirical studies of moral identity are hampered by the lack of appropriate instruments. The purpose of this work is to develop a Russian-language inventory based on the Moral Identity Questionnaire (MIQ) by J. Black and W. Reynolds, which includes two scales: Moral Self and Moral Integrity. The Moral Integrity Scale measures the desire for consistency between one's moral impulses and actions, while the Moral Self Scale measures how strong one's identification with moral values is. In the study on a sample of 322 students (79% female, mean age $M = 21.05$; $SD = 6.55$) good internal consistency of the scales was shown (Cronbach's coefficients were 0.77 and 0.80). The results of the confirmatory factor analysis confirm the structure of the questionnaire, composed of two factors relevant to the scales. The results of the validity analysis showed that indicators of moral identity are directly related to moral foundations, agreeability, indicators of empathy, as well as identified, internal and introjected motivation for moral actions. Also, the expected negative correlations of indicators of moral identity with moral disengagement, traits of the dark triad, egoism, propensity to academic dishonesty and amotivation of moral actions were revealed. No gender differences were found on the scales of moral identity, while a weak direct relationship of all scales with age was revealed. Thus, as a result of the study, a Russian-language moral identity questionnaire was developed, which can be useful in further research on the role of identity in motivating moral behaviour.

Keywords: moral identity, questionnaire, social desirability, moral foundations, empathy, selfishness, motivation for moral actions.

For citation: Sychev O.A., Protasova I.N. Russian-Language Version of the Moral Identity Questionnaire. *Ekspериментальная психология = Experimental Psychology (Russia)*, 2023. Vol. 16, no. 4, pp. 204–218. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160414> (In Russ.).

Введение

К числу важнейших направлений в психологии морали относится анализ регуляторных механизмов, необходимых для нравственного выбора и совершения соответствующего поступка. К пониманию регуляции нравственного поведения помогает приблизиться концепция моральной идентичности, вышедшая на передний план в психологии морали с 1980-х годов благодаря работам А. Блази [15]. В этой концепции моральная идентичность выступает в качестве одной из форм идентичности, отражающей, насколько важной частью Я является стремление быть нравственным, соблюдать моральные нормы [15]. В моральную идентичность входят качества, составляющие нравственный идеал личности, а также моральные нормы, принципы, ценности, следование которым является по-настоящему важным. В моральной идентичности выражается также степень важности поддержания своего «нравственного облика», отражающая силу стремления воплотить свой нравственный иде-

ал и следовать нравственным ценностям. С точки зрения концепции моральной идентичности человек совершает нравственные поступки потому, что он стремится поддерживать свою идентичность, т. е. оставаться верным себе и своему идеалу. Поэтому специалисты по проблеме моральной идентичности подчеркивают, что она относится к числу важнейших механизмов мотивации морального поведения [12].

Результатами многочисленных эмпирических исследований подтверждается важная роль моральной идентичности в регуляции поведения: метаанализ 111 исследований связи моральной идентичности с проявлениями просоциального поведения подтвердил наличие умеренной связи между ними ($r = 0,22$, 95%-ный доверительный интервал: 0,19; 0,25) [17]. Согласно выводам авторов метаанализа, данный эффект оказался достаточно существенным, однако он не выше эффекта ряда других психологических факторов, связанных с нравственными суждениями и эмоциями. Одним из важных выводов из этого метаанализа стало признание опросных методик оценки моральной идентичности достаточно валидным методом ее оценки [17].

Устойчивая связь моральной идентичности с моральными эмоциями показана в другом метаанализе [19]. Наиболее тесную корреляцию с моральной идентичностью ($r = 0,41$) показали положительные эмоции, связанные с другими людьми: сопереживание, сострадание, симпатия. Менее выраженная связь наблюдалась с позитивными эмоциями, отражающими оценку себя (например, гордость) или другого (например, благоговение). Наименьшая сила связи ($r = 0,16$) обнаружилась с негативными эмоциями, отражающими оценку других людей: моральным гневом, отвращением, презрением.

Итак, связь моральной идентичности с нравственным, просоциальным поведением и моральными эмоциями довольно хорошо изучена, однако представляет большой интерес близкая проблема связи моральной идентичности с мотивацией нравственных поступков. В исследованиях моральной идентичности, в отличие от когнитивных теорий морали, мотивация нравственного поведения связывается не с трудно объяснимой приверженностью абстрактным принципам и нормам морали, а с естественным стремлением хранить верность самому себе, поддерживать свои представления о себе как о нравственной личности. В настоящее время подобный подход к исследованию связи моральной идентичности с мотивацией разрабатывает Т. Креттенауэр [18], опираясь на идеи одного из наиболее актуальных направлений в психологии мотивации: теории самодетерминации [20].

По его мнению, нравственное поведение подразумевает предпочтение альтернативы, основанной на моральных нормах в ситуации конкуренции различных мотивов (например, когда конфликтуют эгоистические и просоциальные мотивы). Вероятность выбора такой альтернативы определяется мотивацией к поддержанию своей моральной идентичности: человек, для которого очень важно считать себя нравственным, с большей вероятностью выберет соответствующую моральным нормам альтернативу, чем тот, для кого это не важно.

Мотивация к поддержанию моральной идентичности может быть проанализирована в терминах описанного в теории самодетерминации мотивационного континуума от контролируемой до автономной мотивации. К примеру, контролируемая мотивация (экстернальная или интроецированная) в данном случае означает, что человек стремится к поддержанию моральной идентичности только потому, что к этому его побуждает социальное давление, зависимость от одобрения или осуждения других людей, либо желание избежать переживания вины и стыда. Автономная мотивация (внутренняя или идентифицированная) проявляется в том, что человек стремится поддерживать моральную идентичность и вести себя нравственно

потому, что это имеет значение для него самого, поскольку соответствует его личным ценностям или приносит позитивные переживания. Амотивация, означающая отсутствие субъективных причин стремиться к поддержанию моральной идентичности, может выражаться в утрате смысла нравственных поступков. Исходя из того, что мотивы поддержания моральной идентичности движут нравственным поведением личности, разумно предполагать, что они должны в целом соответствовать тем действующим мотивам, которые осознаются личностью в качестве непосредственных побудителей нравственных поступков.

Методики диагностики моральной идентичности

Наиболее популярной за рубежом методикой оценки моральной идентичности является шкала моральной идентичности (MIS) К. Акино и А. Рида [12], измеряющая важность моральной идентичности с помощью набора черт, которые ассоциируются с нравственной личностью. Она включает две шкалы, отражающие важность нравственных качеств и их демонстрацию в поведении. По нашим сведениям, методика не прошла полноценной адаптации в России, несмотря на единичные примеры ее использования [например: 6].

Опросник моральной идентичности (MIQ) Дж. Блэк и У. Рейнольдс [14] измеряет ее с помощью двух шкал: «Моральное Я» и «Моральная целостность». Шкала морального Я оценивает степень идентификации с моральными ценностями. Высокие оценки по этой шкале означают, что таким респондентам важно считать себя нравственными людьми, так что обычно они более чувствительны к моральной стороне любой ситуации. Шкала моральной целостности измеряет стремление испытуемых вести себя в соответствии с моральными ценностями, важность действовать в соответствии с моральными нормами. Моральная целостность здесь оценивается как степень соответствия между действиями, которые совершаются в публичных ситуациях, доступными для оценки другими людьми, и действиями, о которых никто не узнает.

В ходе валидации оригинальной версии опросника были продемонстрированы связи моральной идентичности с эмпатией, моральной ответственностью, аморальностью, моральными основаниями и участием в волонтерской деятельности [14]. С помощью иранской версии опросника были получены данные о ее связи с факторами «Большой пятерки»; при этом нейротизм показал обратную, а доброжелательность и добросовестность — прямую связь [11]. Наибольший интерес с точки зрения валидности данной методики представляют корреляции ее шкал с методикой MISK. Акино и А. Рида. В исследовании авторов методики корреляции шкал MIQ с субшкалой интернализации MIS лежали в пределах 0,52–0,53 [14]. Эти значения позволяют сделать вывод о том, что данные методики измеряют близкие, но не совпадающие полностью конструкты.

К недостаткам методики можно отнести связь компонентов моральной идентичности с тенденцией к социально желательным ответам: умеренные корреляции показывают и шкала морального Я ($r = 0,44$), и шкала моральной целостности ($r = 0,30$) [14]. Еще один недостаток связан с тем, что содержание моральной идентичности в MIQ задано довольно узко через моральные нормы заботы и непричинения вреда, честности, справедливости. При этом в содержании опросника практически не представлены моральные нормы уважения, лояльности группы, праведности (сплачивающие моральные основания — в терминах теории моральных оснований [9] или «Мы-идентичность» — в терминах М.А. Козловой и А.И. Козлова [3]). Несмотря на ограниченность и наличие ряда недостатков опросника MIQ, мы, тем не менее, полагаем, что разработка русскоязычного опросника на основе этой

методики могла бы стать первым шагом на пути к созданию эффективных русскоязычных инструментов оценки моральной идентичности.

Цель и гипотезы исследования

Цель: разработка русскоязычной версии опросника моральной идентичности (MIQ) Дж. Блэк и У. Рейнольдс.

Гипотезы.

1. Русскоязычная версия опросника моральной идентичности имеет двухфакторную структуру, причем состав факторов соответствует шкалам опросника.
2. Шкалы опросника моральной идентичности умеренно коррелируют с тенденцией к социальножелательным ответам.
3. Шкала морального Я, измеряющая степень идентификации с нравственными ценностями, связана с моральными основаниями, характеризующими субъективную важность этих ценностей, а также с внутренними, идентифицированными и интроецированными мотивами нравственных поступков.
4. Шкала моральной целостности, отражающая согласованность поведения с декларируемыми нравственными ценностями, обратно связана со склонностью к конкретным проявлениям безнравственного поведения (на примере учебного обмана), эгоизмом, отчуждением моральной ответственности и амотивацией к совершению нравственных поступков.
5. Обе шкалы моральной идентичности обратно связаны с чертами темной триады, характеризующими одновременно слабость моральных ценностей и склонность к противоречащим им аморальным поступкам, а также с доброжелательностью как позитивной личностной чертой, отражающей просоциальную направленность личности.
6. Оба показателя моральной идентичности связаны с эмпатией, играющей важную роль в функционировании нравственной сферы личности [16].

Выборка, процедура и методики исследования

Выборку составили 322 студента Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина и Бийского медицинского колледжа в возрасте от 15 до 50 лет (средний возраст $M = 21,05$; $SD = 6,55$), из них 65 (20%) мужчин, 253 (79%) женщин, 4 человека (1%) пол не указали (распределение испытуемых по половозрастным группам см. в табл. 1). В учебных аудиториях проводился бланковый опрос, в ходе которого студенты заполняли разные батареи методик. Участие в исследовании было добровольным и анонимным, обратной связи не предоставлялось.

Таблица 1

Распределение испытуемых по возрасту и полу

Возрастная группа	Женщин	Мужчин	Всего
Менее 20 лет	176	47	223
21–30 лет	46	9	55
31–40 лет	24	8	32
41–50 лет	6	0	6
Пол или возраст не указан			6
Всего	252	64	322

В ходе разработки русскоязычной версии опросника моральной идентичности его содержание было переведено на русский язык двумя специалистами: психологом и лингвистом, хорошо владеющими английским языком. После устранения расхождений в переводах был сформулирован текст методики (см. Приложение).

Для оценки валидности предложенной версии использовался комплекс методик, оценивающих различные личностные и моральные качества, которые с учетом рассмотренных выше данных должны показывать связи с моральной идентичностью (коэффициенты внутренней согласованности α Кронбаха для всех шкал, применявшихся в исследовании, приведены в табл. 2).

- Шкала социальной желательности Д. Паулуса (BIDR) в адаптации Е.Н. Осина [8].
- Опросник моральных оснований (MFQ) Дж. Грэхема с коллегами, измеряющий пять моральных оснований: забота, справедливость, лояльность, уважение, праведность, а также два вторичных показателя: индивидуализирующие и спланирующие моральные основания [9].

- Русскоязычная версия универсального опросника мотивации (UPLOC) [22], модифицированная для измерения мотивации нравственных поступков. Этот опросник был разработан в двух эквивалентных версиях: русскоязычной и англоязычной. Русскоязычная версия доступна по запросу авторам методики [22]. Модификация русскоязычной версии заключалась в наполнении ее конкретным содержанием, связанным с нравственным поведением. В соответствии с инструкцией испытуемые оценивали 24 различных варианта ответа на вопрос «Почему Вы стараетесь придерживаться нравственных норм в своих поступках?» (например: «Нравственные поступки приносят мне удовольствие»). Задания образуют шесть мотивационных шкал, отражающих представления о структуре мотивационного континуума в теории самодетерминации: внутреннюю мотивацию, идентифицированную, позитивную интроецированную, негативную интроецированную, экстерналистскую мотивацию и амотивацию. Шкалы идентифицированной и интроецированной мотивации отражают разную степень интернализации ценностей, побуждающих к деятельности, в то время как внутренняя мотивация означает, что деятельность ценна для субъекта сама по себе, как процесс, приносящий удовольствие вследствие удовлетворения потребностей [22]. Экстерналистская мотивация означает отсутствие или относительную слабость внутренних факторов, побуждающих деятельность, вследствие чего основным ее побудителем выступают внешние вознаграждения или санкции. Амотивация отражает утрату смысла деятельности и проявляется в отсутствии актуальных побуждений: деятельность не совершается, либо выполняется формально, по инерции. В отношении нравственных поступков амотивация, очевидно, означает не только их отсутствие, но и высокую вероятность безнравственного поведения.

- Шкала учебного обмана В.В. Гижицкого [1], измеряющая склонность к применению и оправданию списывания. Учебный обман рассматривался в данном исследовании в качестве конкретного примера безнравственного поведения.

- Шкала диспозиционного эгоизма К. Муздыбаева, измеряющая эгоизм как черту и этическую мотивацию, характеризующую «...заботу человека лишь о самом себе без учета интересов других людей» [7, С. 27].

- Краткая версия шкалы отчуждения моральной ответственности С. Мур (MD-8) в адаптации Я.А. Ледовой с коллегами [5], измеряющая когнитивные механизмы, обеспечивающие неприменение к себе моральных запретов в случае вредоносного по отношению к окружающим поведения.

- Опросник «Темная дюжина» (DD) в адаптации Т.В. Корниловой с коллегами, предназначенный для оценки негативных личностных качеств, составляющих «Темную триаду»: макиавеллизм, психопатию и нарциссизм [4].
- Шкалы «Добросовестность» и «Доброжелательность» из опросника «Большой пятерки» (BFI-44), адаптированного С.А. Щебетенко [21]. Эти шкалы отражают позитивные качества личности, однако первое из них в большей мере касается особенностей саморегуляции, в то время как второе имеет непосредственное отношение к моральной сфере.
- Шкалы «Эмпатическая забота» и «Децентрация» из теста эмпатии М. Дэвиса (IRI), адаптированного Т.Д. Карягиной, Н.В. Кухтовой [2]. Эти шкалы были выбраны по аналогии с исследованием авторов оригинальной версии [14].

Анализ данных проводился в среде статистического анализа R, подтверждающий факторный анализ (КФА) — в программе Mplus 8. В ходе КФА использовался метод максимального правдоподобия с робастной оценкой параметров (MLR).

Результаты

В ходе анализа результатов в первую очередь была проанализирована внутренняя согласованность шкал и дискриминативность заданий. Корреляции вопросов с показателями по соответствующим шкалам показали, что три вопроса (№ 4, 7, 19 в нумерации оригинальной версии) демонстрируют слабую согласованность со своей шкалой ($r < 0,4$). По этой причине было принято решение об их исключении. Кроме этого, пришлось исключить задание № 13, которое показало приемлемую корреляцию со шкалой (0,44), однако среднее значение (равное 5,59 после инвертирования) оказалось очень близко к максимально возможному значению (6). Этот факт указывает на низкую дискриминативность задания вследствие того, что большинство испытуемых абсолютно не согласны с ним («Кража небольшой суммы или мелких вещей вполне допустима, если о ней никто не узнает»). Таким образом, для дальнейшего анализа было оставлено 16 заданий: шесть в шкале моральное Я и 10 в шкале моральной целостности. Коэффициент Кронбаха для этих шкал составил соответственно 0,77 и 0,80, что свидетельствует об их высокой внутренней согласованности.

Далее с помощью КФА были проверены однофакторная и двухфакторная модели структуры опросника. Однофакторная модель показала неудовлетворительное соответствие данным: $\chi^2 = 384,16$; $df = 104$; $p \leq 0,001$; CFI = 0,679; TLI = 0,630; RMSEA = 0,091; 90%-ный доверительный интервал для RMSEA: 0,082-0,101; PCLOSE = 0. Двухфакторная модель (см. рисунок), образованная из коррелирующих факторов, соответствующих по составу шкалам методики, продемонстрировала приемлемое соответствие данным: $\chi^2 = 153,96$; $df = 103$; $p \leq 0,001$; CFI = 0,942; TLI = 0,932; RMSEA = 0,039; 90%-ный доверительный интервал для RMSEA: 0,026-0,052; PCLOSE = 0,922.

Анализ связи шкал опросника моральной идентичности с социальной желательностью ожидаемо показал наличие довольно тесных прямых связей (табл. 2). Ввиду того, что показатели по другим методикам также могут быть подвержены тенденции к социально желательным ответам, для анализа валидности шкал MIQ были вычислены частные коэффициенты корреляции со всеми остальными методиками и шкалами при контроле социальной желательности.

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о наличии умеренных связей шкалы моральное Я и общего показателя моральной идентичности с моральными основаниями заботы, справедливости и праведности, в то время как моральная целостность не показала связей ни с одной из шкал опросника моральных оснований.

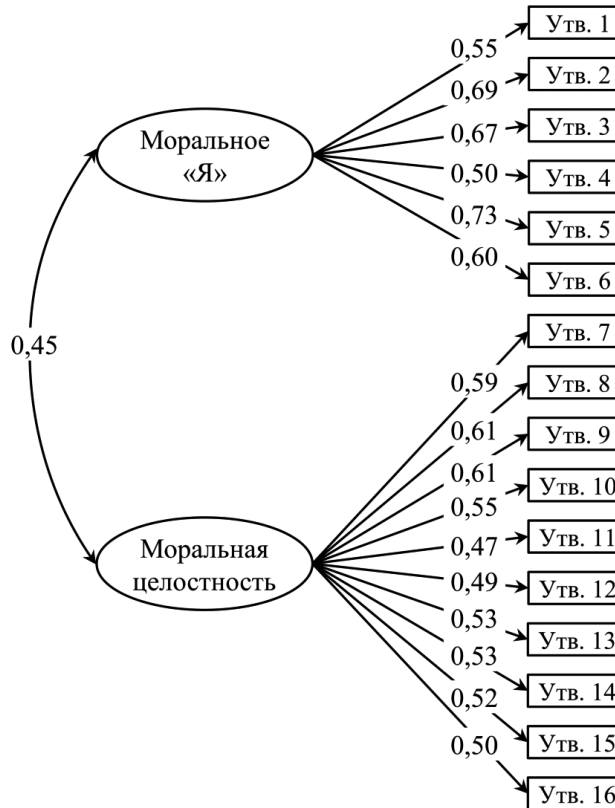

Рис. Структурная модель опросника моральной идентичности
 (все коэффициенты статистически значимы при $p \leq 0,001$, остатки опущены для упрощения)

Таблица 2

**Коэффициенты корреляции показателей моральной идентичности
 с внешними критериями валидности**

Методики и шкалы	N	α	Моральное Я	Моральная целостность	Моральная идентичность
BIDR. Социальная желательность	319	0,80	0,31***	0,46***	0,49***
MFQ.Забота	110	0,65	0,25**	0,17	0,25**
MFQ.Справедливость	110	0,67	0,30**	0,15	0,25**
MFQ.Лояльность	110	0,63	0,23*	0,10	0,18
MFQ.Уважение	110	0,65	0	0,16	0,15
MFQ.Праведность	110	0,64	0,25**	0,11	0,19*
MFQ.Индивидуализирующие моральные основания	110	0,79	0,30**	0,18	0,27**
MFQ.Сплачивающие моральные основания	110	0,82	0,20*	0,15	0,21*
UPLOC.Внутренняя мотивация	95	0,71	0,36***	0,02	0,15
UPLOC.Идентифицированная мотивация	95	0,73	0,40***	0,08	0,20

Методики и шкалы	N	α	Моральное Я	Моральная целостность	Моральная идентичность
UPLOC.Позитивная интроецированная мотивация	95	0,68	0,28**	0,03	0,10
UPLOC.Негативная интроецированная мотивация	95	0,67	0,25*	0,04	0,12
UPLOC.Экстернальная мотивация	95	0,70	0,20	–0,02	0,06
UPLOC.Амотивация	95	0,71	–0,18	–0,45***	–0,44***
Шкала учебного обмана	112	0,83	–0,03	–0,23*	–0,18
Шкала диспозиционного эгоизма	111	0,76	–0,17	–0,49***	–0,44***
MD-8. Отчуждение моральной ответственности	110	0,65	0,18	–0,45***	–0,31**
DD. Макиавеллизм	112	0,78	–0,22*	–0,54***	–0,50***
DD. Психопатия	112	0,70	–0,27**	–0,46***	–0,46***
DD. Нарциссизм	112	0,74	0,08	–0,23*	–0,13
BFI-44.Доброжелательность	112	0,76	0,26**	0,34***	0,37***
BFI-44.Добросовестность	112	0,76	0,07	0,02	0,05
IRI.Эмпатическая забота	112	0,56	0,29**	0,35***	0,39***
IRI.Децентрация	112	0,62	0,31***	0,28**	0,35***

Примечания. N — объем выборки; α — α Кронбаха. Значимость: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$. Все коэффициенты, кроме парных корреляций с BIDR (в первой строке), представляют собой частные коэффициенты корреляции при контроле социальной желательности (по шкале BIDR).

При анализе связи показателей моральной идентичности с мотивацией моральных поступков (UPLOC) обнаружили умеренные корреляции: была выявлена прямая связь шкалы морального Я и идентифицированной, внутренней, позитивной и негативной интроецированной мотивации. Шкала моральной целостности и общий показатель MIQ продемонстрировали умеренную обратную связь с амотивацией.

Обратная связь моральной идентичности со склонностью к учебному обману обнаружилась только по шкале моральной целостности, в то время как моральное Я показало близкий к нулю коэффициент корреляции. С отчуждением моральной ответственности и эгоизмом умеренные обратные корреляции показали шкала моральной целостности вместе с общим показателем MIQ.

Негативные черты личности (макиавеллизм и психопатия) показали тесную обратную связь с моральной целостностью и общим показателем MIQ, при наличии слабой обратной связи со шкалой морального Я. Из двух позитивных черт большой пятерки ожидаемую связь со всеми шкалами моральной идентичности показала лишь доброжелательность, в то время как корреляции добросовестности с этими шкалами оказались близки к нулю. Показатели эмпатии (эмпатическая забота и децентрация) также продемонстрировали умеренные прямые связи с обеими шкалами и общим показателем MIQ.

Прямые и слабые, но статистически значимые корреляции с возрастом показали шкалы опросника: моральное Я ($r = 0,11$; $p \leq 0,05$), моральная целостность ($r = 0,16$; $p \leq 0,01$) и общий показатель ($r = 0,14$; $p \leq 0,05$). При этом различий в показателях шкал между мужчинами и женщинами с помощью критерия Манна–Уитни не обнаружилось.

Обсуждение результатов

Гипотеза о факторной структуре русскоязычной версии полностью подтвердилась в ходе КФА: шкалы опросника, внутренняя согласованность которых достаточно высока, образуют соответствующие взаимосвязанные факторы. Результаты подтверждают также гипотезу о связи шкал моральной идентичности с социальной желательностью, причем величина корреляций близка к той, что была выявлена в оригинальной версии методики [14]. От влияния социальной желательности не свободна и более популярная шкала моральной идентичности К. Акина и А. Рида [12]. Тем не менее, зависимость показателей по шкалам от склонности к социально-желательным ответам следует признать слабой стороной данного опросника.

Подтвердилось предположение о связи шкалы морального Я с моральными основаниями (за исключением такого морального основания, как уважение). Общий показатель MIQ, как и в англоязычной версии [14], связан с моральными основаниями заботы, справедливости и праведности. Эти результаты подтверждают, что идентификация с моральными ценностями сочетается с большей оценкой важности большинства моральных оснований.

Обнаружены ожидаемые корреляции шкалы морального Я с внутренними, идентифицированными и интроецированными мотивами моральных поступков. Это значит, что идентификация личности с нравственным идеалом, представление о себе как о нравственной личности сочетаются, в первую очередь, с автономной (внутренней и идентифицированной) мотивацией, основанной на безусловной важности моральных норм для личности. Идентификация с моральными ценностями также отражается и в менее автономных интроецированных мотивах, связанных с чувствами долга, вины и стыда. Эти результаты подтверждают теоретические представления о важной роли моральной идентичности в мотивации нравственного поведения [13; 18]. Несмотря на умеренные связи шкалы морального Я с мотивами, общий показатель моральной идентичности не имеет с ними значимых корреляций. Это отчасти объясняется меньшим числом пунктов в шкале морального Я в сравнении со шкалой моральной целостности, не связанной с автономными мотивами, и, следовательно, меньшим весом первой из шкал в составе общего показателя.

Обратная связь шкалы моральной целостности с амотивацией означает, что низкие оценки по этой шкале связаны отсутствием побуждений к нравственному поведению, что на поведенческом уровне может выражаться в аморальных поступках, например в учебном обмане. Слабая обратная связь склонности к учебному обману с моральной целостностью может объясняться тем, что при его широкой распространенности в среде российских студентов он воспринимается толерантно и не рассматривается в качестве серьезного проступка [10].

Эгоизм, как приоритет узких личных интересов над всеми другими ценностями, также ожидаемо показал обратную связь со шкалой моральной целостности. Отсутствие его связи со шкалой морального Я может означать, что эгоизм определяется не столько слабостью нравственных ценностей, сколько их подчиненным, второстепенным значением по отношению к личным интересам. При этом в ситуациях, их не затрагивающих, эгоист может проявлять высокую озабоченность моральными вопросами. Иными словами, в моральном плане эгоизм характеризуется слабой согласованностью поведения с моральными нормами и легкостью их нарушения во имя личных интересов.

Связи с отчуждением моральной ответственности оказались статистически значимы не для всех шкал опросника MIQ, как в оригинале, а только для шкалы моральной

целостности. Этот факт объясняется тем, что отчуждение моральной ответственности не означает слабой идентификации с моральными ценностями: роль механизмов отчуждения заключается именно в том, чтобы возвести барьер между важными для личности моральными нормами и собственным поведением, обеспечив тем самым неприменение к себе моральных запретов.

Подтвердились предположения об обратной связи шкал моральной идентичности и ее общего показателя с негативными свойствами личности (за исключением нарциссизма, который коррелирует только с моральной целостностью), а также о прямой связи с доброжелательностью, что соответствует зарубежным данным [14]. О дискриминантной валидности методики свидетельствует отсутствие значимых корреляций со шкалой добросовестности, поскольку последняя в большей степени отражает регуляторные, а не моральные особенности личности. Как и в исследовании авторов методики MIQ [14], наши результаты демонстрируют умеренную связь шкал моральной идентичности и ее общего показателя с показателями эмпатии: эмпатической заботой и децентрацией, подтверждая важную роль эмпатии в функционировании моральной сферы личности [16].

Различия в корреляциях шкал морального Я и моральной целостности с критериями валидности соответствуют теоретическим представлениям о своеобразии этих двух аспектов моральной идентичности. В частности, более тесные связи шкалы морального Я с моральными основаниями, а также внутренней, идентифицированной и интроецированной мотивацией указывает на то, что она дает оценку степени идентификации с моральными ценностями, их важности как части идентичности. При этом шкала моральной целостности оценивает в большей мере не важность моральных ценностей, а их действенность в саморегуляции поведения, характеризуя тем самым регуляторный аспект идентичности. Следовательно, эти различия в корреляциях шкал MIQ с другими показателями можно интерпретировать как подтверждение их дискриминантной валидности.

К ограничениям исследования относится недостаток данных для уверенных выводов о гендерных различиях в проявлении моральной идентичности ввиду несбалансированного по полу состава выборки при недостаточной представленности в ней мужчин. Также дальнейшего исследования требует анализ возрастных особенностей моральной идентичности среди лиц старше 40 лет и сбор статистических норм в различных половозрастных группах.

Выводы

Моральная идентичность представляет собой одно из актуальных направлений исследований моральной сферы личности, развитие которого затрудняется нехваткой соответствующего инструментария. Предложенная методика делает возможной оценку двух относительно независимых компонентов моральной идентичности: морального Я и моральной целостности. Полученные в ходе валидации результаты продемонстрировали важную роль компонентов моральной идентичности в структуре личности и мотивации нравственного поведения.

В целом, результаты апробации русскоязычной версии опросника моральной идентичности, подтверждающие валидность и надежность его шкал, свидетельствуют о возможности его применения в исследовательских целях при контроле социальной желательности. К числу перспективных направлений исследований, в которых использование предложенного опросника может принести пользу, относится дальнейший анализ места моральной идентичности в регуляции нравственного поведения.

Приложение

Текст опросника моральной идентичности

Инструкция. Оцените, насколько Вы согласны с каждым из приведенных ниже утверждений по шестибалльной шкале, где 1 — совершенно не согласен, 6 — полностью согласен.

Утверждения	1	2	3	4	5	6
1. Я очень стараюсь говорить и поступать честно в большинстве случаев						
2. Не причинять боль другим — одно из правил, по которым я живу						
3. Для меня важно относиться ко всем справедливо						
4. Я хочу, чтобы люди знали, что они могут на меня положиться						
5. Для меня важно, чтобы мои поступки приносили людям пользу и не причиняли им вреда						
6. Я стараюсь никому не причинять обид						
7. Если я решил сделать что-то важное для себя, то меня не волнует, пострадают ли от этого другие						
8. За большое вознаграждение можно поступиться своими нравственными принципами						
9. Неважно, хороший ли мой поступок, если о нем никто не узнает						
10. Важнее, чтобы люди считали тебя честным, чем быть честным на самом деле						
11. Нет смысла напрягаться, чтобы сделать что-то хорошее, если никто этого не оценит						
12. Если мне случайно дадут лишнюю сдачу, я сделаю вид, что этого не заметил						
13. В нашем мире невозможно обойтись без лжи и обмана						
14. Меня не беспокоит, что некоторые мои поступки люди могут посчитать нечестными						
15. Если какие-то люди плохо относятся ко мне, я буду относиться к ним также						
16. Нравственность и мораль ничего не стоят в современном обществе						

Ключ (все задания прямые):

1. Шкала морального Я: 1—6.
2. Шкала моральной целостности: 7—14.

Список исключенных утверждений (в нумерации англоязычной оригинальной версии).

7. Для меня на самом деле важно жить в соответствии с нравственными принципами.
8. Если я понял, как поступить правильно, я именно так и поступаю.
13. Кража небольшой суммы или мелких вещей вполне допустима, если о ней никто не узнает.
19. Я соглашусь с мнением большинства, даже если оно противоречит морали.

Литература

1. Гижницкий В.В. Учебный обман как стратегия псевдоадаптивного поведения у старшеклассников // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. Том 58. № 2. С. 293—299.
2. Карягина Т.Д., Кухтова Н.В. Тест эмпатии М. Дэвиса: содержательная валидность и адаптация в межкультурном контексте // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Том 24. № 4. С. 33—61. DOI:10.17759/cpp.2016240403
3. Козлова М.А., Козлов А.И. Истоки морали, ориентированной на индивида и группу: социально-психологический и естественно-научный аспекты // Психологический журнал. 2016. Том 37. № 3. С. 60—70.

4. Корнилова Т.В., Корнилов С.А., Чумакова М.А., Талмач М.С. Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника «Темная дюжина» // Психологический журнал. 2015. Том 36. № 2. С. 99–112.
5. Ледовая Я.А., Тихонов Р.В., Боголюбова О.Н., Казенная Е.В., Сорокина Ю.Л. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2016. № 4. С. 23–39. DOI:10.21638/11701/spbu16.2016.402
6. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Кудрявцев В.Т., Бочкова М.Н., Мешков И.А. О предикторах негативной креативности у взрослых на примере курсантов // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 90–108. DOI:10.17759/psylaw.2021110407
7. Муздыбаев К. Эгоизм личности // Психологический журнал. 2000. Том 21. № 2. С. 27–39.
8. Осин Е.Н. Проблема социальной желательности в исследованиях личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. С. 454–468.
9. Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // Российский психологический журнал. 2018. Том 15. № 3. С. 88–115. DOI:10.21702/грj.2018.3.5
10. Шмелева Е.Д. Плагиат и списывание в российских вузах: роль образовательной среды и индивидуальных характеристик студента // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 84–109. DOI:10.17323/1814-9545-2016-1-84-109
11. Abbasi-Asl R., Hashemi S. Personality and Morality: Role of the Big Five Personality Traits in Predicting the Four Components of Moral Decision Making // International Journal of Behavioral Sciences. 2019. Vol. 13(3). P. 123–128.
12. Aquino K., Reed A. The self-importance of moral identity // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 83(6). P. 1423–1440. DOI:10.1037//0022-3514.83.6.1423
13. Bergman R. Identity as motivation: Toward a theory of the moral self // Moral development, self, and identity: Vol. 2 / Eds. D.K. Lapsley, D. Narvaez. New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 2004. P. 21–46.
14. Black J.E., Reynolds W.M. Development, reliability, and validity of the Moral Identity Questionnaire // Personality and Individual Differences. 2016. Vol. 97. P. 120–129. DOI:10.1016/j.paid.2016.03.041
15. Blasi A. Moral identity: Its Role in Moral Functioning // Morality, moral behavior, and moral development / Eds. W.M. Kurtines, J.L. Gewirtz. New York: John Wiley & Sons, 1984. P. 128–139.
16. Decety J., Cowell J.M. The complex relation between morality and empathy // Trends in cognitive sciences. 2014. Vol. 18(7). P. 337–339. DOI:10.1016/j.tics.2014.04.008
17. Hertz S.G., Krettenauer T. Does Moral Identity Effectively Predict Moral Behavior?: A Meta-Analysis // Review of General Psychology. 2016. Vol. 20(2). P. 129–140. DOI:10.1037/gpr0000062
18. Krettenauer T. Moral identity as a goal of moral action: A Self-Determination Theory perspective // Journal of Moral Education. 2020. Vol. 49(3). P. 330–345. DOI:10.1080/03057240.2019.1698414
19. Lefebvre J.P., Krettenauer T. Linking Moral Identity With Moral Emotions: A Meta-Analysis // Review of General Psychology. 2019. Vol. 23(4). P. 444–457. DOI:10.1177/1089268019880887
20. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness. New York: Guilford Publications, 2017. 756 p.
21. Shchebetenko S.A. “The best man in the world”: attitudes toward personality traits // Journal of Higher School of Economics. 2014. Vol. 11(3). P. 129–148.
22. Sheldon K.M., Osin E.N., Gordeeva T.O., Suchkov D.D., Sychev O.A. Evaluating the Dimensionality of Self-Determination Theory’s Relative Autonomy Continuum // Personality and Social Psychology Bulletin. 2017. Vol. 43(9). P. 1215–1238. DOI:10.1177/0146167217711915

References

1. Gizhitskii V.V. Uchebnyi obman kak strategiya psevdoadaptivnogo povedeniya u starsheklassnikov [Cheating as Maladaptive Behavior Strategy of High School Students]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Scientific notes of Orel State University*, 2014. Vol. 58, no. 2, pp. 293–299. (In Russ.).
2. Karyagina T.D., Kukhtova N.V. Test empatii M. Devisa: soderzhatel'naya validnost' i adaptatsiya v mezhhkul'turnom kontekste [M. Davis Empathy Test: Content Validity and Adaptation in

- Cross-cultural Context]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2016. Vol. 24, no. 4, pp. 33–61. DOI:10.17759/cpp.2016240403. (In Russ.).
3. Kozlova M.A., Kozlov A.I. Istoki morali, orientirovannoi na individua i grupp: sotsial'no-psikhologicheski i estestvenno-nauchnyi aspekty [The Origins of Individual-oriented and Group-oriented Morality: Social-psychological and Scientific Aspects]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2016. Vol. 37, no. 3, pp. 60–70. (In Russ.).
4. Kornilova T.V., Kornilov S.A., Chumakova M.A., Talmach M.S. Metodika diagnostiki lichnostnykh chert «Temnoitriady»: aprobatsiya oprosnika Temnaya Dyuzhina [The Dark Triad Personality Traits Measure: Approbation of the Dirty Dozen Questionnaire]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2015. Vol. 36, no. 2, pp. 99–112. (In Russ.).
5. Ledovaya Ya.A., Tikhonov R.V., Bogolyubova O.N., Kazennaya E.V., Sorokina Yu.L. Otchuzhdenie moral'noi otvetstvennosti: psikhologicheskii konstrukt i metody ego izmereniya [Moral Disengagement: the Psychological Construct and its Measurement]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya = Vestnik of St Petersburg University. Series 16. Psychology and Education*, 2016. No. 4, pp. 23–39. DOI:10.21638/11701/spbu16.2016.402 (In Russ.).
6. Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Kudryavtsev V.T., Bochkova M.N., Meshkov I.A. O prediktorakh negativnoi kreativnosti u vzroslykh na primere kursantov [Predictors of Negative Creativity in Adults on the Example of Cadets]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 90–108. DOI:10.17759/psylaw.2021110407. (In Russ.).
7. Muzdybaev K. Egoizm lichnosti [Personal Egoism]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2000. Vol. 21, no. 2, pp. 27–39. (In Russ.).
8. Osin E.N. Problema sotsial'noi zhelatel'nosti v issledovaniyakh lichnostnogo potentsiala [The problem of social desirability in the research of personal potential]. *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika [Personal Potential: Structure and diagnostics]*. Moscow: Smysl publ., 2011, pp. 454–468. (In Russ.).
9. Sychev O.A., Protasova I.N., Belousov K.I. Diagnostika moral'nykh osnovanii: aprobatsiya russkoyazychnoi versii oprosnika MFQ [Diagnosing Moral Foundations: Testing of the Russian Version of the Moral Foundations Questionnaire]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2018. Vol. 15, no. 3, pp. 88–115. DOI:10.21702/rpj.2018.3.5 (In Russ.).
10. Shmeleva E.D. Plagiat i spisyvanie v rossiiskikh vuzakh: rol' obrazovatel'noi sredy i individual'nykh kharakteristik studenta [Plagiarism and Cheating in Russian Universities: The Role of the Learning Environment and Personal Characteristics of Students]. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*, 2016. No. 1, pp. 84–109. DOI:10.17323/1814-9545-2016-1-84-109 (In Russ.).
11. Abbasi-Asl R., Hashemi S. Personality and Morality: Role of the Big Five Personality Traits in Predicting the Four Components of Moral Decision Making. *International Journal of Behavioral Sciences*, 2019. Vol. 13, no. 3, pp. 123–128.
12. Aquino K., Reed A. The self-importance of moral identity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002. Vol. 83, no. 6, pp. 1423–1440. DOI:10.1037//0022-3514.83.6.1423
13. Bergman R. Identity as motivation: Toward a theory of the moral self. In D.K. Lapsley, D. Narvaez (eds.). *Moral development, self, and identity*: Vol. 2. New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 2004. Pp. 21–46.
14. Black J.E., Reynolds W.M. Development, reliability, and validity of the Moral Identity Questionnaire. *Personality and Individual Differences*, 2016. Vol. 97, pp. 120–129. DOI:10.1016/j.paid.2016.03.041
15. Blasi A. Moral identity: Its Role in Moral Functioning. In W.M. Kurtines, J.L. Gewirtz (eds). *Morality, moral behavior, and moral development*. New York: John Wiley & Sons, 1984. Pp. 128–139.
16. Decety J., Cowell J.M. The complex relation between morality and empathy. *Trends in cognitive sciences*, 2014. Vol. 18, no. 7, pp. 337–339. DOI:10.1016/j.tics.2014.04.008
17. Hertz S.G., Krettenauer T. Does Moral Identity Effectively Predict Moral Behavior?: A Meta-Analysis. *Review of General Psychology*, 2016. Vol. 20, no. 2, pp. 129–140. DOI:10.1037/gpr0000062
18. Krettenauer T. Moral identity as a goal of moral action: A Self-Determination Theory perspective. *Journal of Moral Education*, 2020. Vol. 49, no. 3, pp. 330–345. DOI:10.1080/03057240.2019.1698414
19. Lefebvre J.P., Krettenauer T. Linking Moral Identity With Moral Emotions: A Meta-Analysis. *Review of General Psychology*, 2019. Vol. 23, no. 4, pp. 444–457. DOI:10.1177/1089268019880887

20. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness. New York: Guilford Publications, 2017. 756 p.
21. Shchebetenko S.A. "The best man in the world": attitudes toward personality traits. *Journal of Higher School of Economics*, 2014. Vol. 11, no. 3, pp. 129–148.
22. Sheldon K.M., Osin E.N., Gordeeva T.O., Suchkov D.D., Sychev O.A. Evaluating the Dimensionality of Self-Determination Theory's Relative Autonomy Continuum. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2017. Vol. 43, no. 9, pp. 1215–1238. DOI:10.1177/0146167217711915

Информация об авторах

Сычев Олег Анатольевич, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина (ФГБОУ ВО АГПУ им. В.М. Шукшина), г. Бийск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Протасова Ирина Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина (ФГБОУ ВО АГПУ им. В.М. Шукшина), г. Бийск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: protasovain@mail.ru

Information about the authors

Oleg A. Sychev, PhD in Psychology, Senior Researcher, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Irina N. Protasova, PhD in Psychology, Docent of the Chair of Pedagogy and Psychology, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: protasovain@mail.ru

Получена 16.05.2022

Принята в печать 01.12.2023

Received 16.05.2022

Accepted 01.12.2023